

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОКОММУНИЗМА В ИТАЛИИ

Князева Светлана Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640001411-0

К концу 1945 г. Итальянская коммунистическая партия (ИКП) объединяла в своих рядах свыше 1 млн 760 тыс., а с молодежной организацией¹ — более 2 млн человек, — и становилась самой массовой и влиятельной партией в несоциалистической части мира². Концепция новой партии Пальмиро Тольятти, к созданию которой приступил ее лидер³, воплотилась в стратегии широких союзов компартии с антифашистскими партиями и массовыми движениями, нацеленной на единство нации, что способствовало серьезному росту популярности коммунистов.

Руководство ИКП впервые открыло двери в компартию верующим, интеллектуалам, — вообще всем совершеннолетним гражданам, вне зависимости от их философских и религиозных убеждений, пола, расовой принадлежности⁴. Итальянские коммунисты постепенно отказывались от важнейших постулатов ортодоксального марксизма, таких, как руководящая роль рабочего класса, диктатура пролетариата, классовая борьба, несовместимость понятий «коммунист» и «верующий». В результате в течение следующих десятилетий ИКП имела второй по численности после христианских демократов электорат, опиралась на массовую социальную базу и была в международном коммунистическом движении одной из немногих реально независимых коммунистических партий.

Со второй половины 50-х годов руководство компартии стало уделять особое внимание идее *итальянского пути к социализму*, выдвинутой ее лидером на VII съезде (1951 г.) и получившей развитие на VIII съезде (декабрь 1956 г.). На VII съезде Тольятти предложил курс на более тесное сотрудничество с социалистами и другими левыми силами, отказавшись от «пролетарской диктатуры» как не соответствующей реалиям Италии⁵.

В борьбе за «итальянский путь к социализму» Тольятти рассчитывал на то, что это длительный процесс, в основе которого — проведение структурных реформ, а не классовая борьба, революция, диктатура пролетариата⁶. Главное отличие «революционной концепции» коммунистов от позиции европейских и итальянских социалистов и социал-демократов состояло на том этапе в том, что руководящая роль в борьбе против «господствующих классов капиталистов» принадлежала, по

¹ Итальянская Федерация коммунистической молодежи.

² Ginsborg P. Storia d'Italia dal dopoguerra a oggi. Società e politica 1943—1988. Torino, 2006, p. 110.

³ Выступления Тольятти весной 1944 г. вошли в историю как «поворот в Салерно». Есть основания полагать, что он имел конкретные рекомендации Сталина по вопросу массового коммунистического движения в Италии. Наринский М. М. Тольятти, Сталин и «Поворот в Салерно». — Вторая Мировая война. Актуальные проблемы. К 50-летию Победы. М., 1995.

⁴ L'Unita, 3.II.1946.

⁵ Эти разногласия стали основной причиной раскола старой Социалистической партии на съезде в Ливорно, в результате чего 21 января 1921 г. была создана Коммунистическая партия Италии.

⁶ Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии (Рим, 8—14 декабря 1956 г.). М., 1957, с. 162—190.

убеждению лидера ИКП, все же «рабочему классу и руководимым им народным силам»⁷.

Обратим внимание на этот тезис: в последние годы жизни Тольятти он был подвергнут существенной коррекции, а спустя 10 лет после его смерти — пересмотру руководством компартии и многими итальянскими коммунистами, вплоть до полного отказа от идей классовой борьбы и диктатуры пролетариата, таким образом, позиции коммунистов и социал-демократов по этому вопросу полностью совпали. Взамен коммунисты сделают ставку на осуществление политики структурных демократических реформ путем сотрудничества ИКП с другими партиями на уровне парламента и правительственных коалиций. Но уже на рубеже 1940—1950-х гг. Тольятти внес предложение в правительство о готовности ИКП войти в правительство при условии изменений во внешнеполитическом курсе Италии, в том числе в рамках ее участия в НАТО. Однако стереотипы «холодной войны»⁸ не позволили действующему правительству принять подобное предложение. С тех пор и вплоть до конца 80-х годов участие Итальянской компартии в правительственных коалициях блокировалось, что создавало в стране крайне нестабильную политическую ситуацию⁹.

К середине 1950-х гг. руководство ИКП поставило под сомнение целесообразность копирования идеологии и политического курса КПСС и Советского Союза: подчеркивалась необходимость творческого переосмысления опыта СССР в построении социализма в Италии; к тому же трактовка понятия «социализм» стала уточняться¹⁰.

Смерть Сталина в марте 1953 г., доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, события в Венгрии в октябре — ноябре 1956 г. и ввод войск ОВД в Будапешт обозначили важнейшие вехи на этом тернистом пути. После XX съезда и венгерских событий образ Советского Союза стал меркнуть, имидж СССР стал скорее негативным, около полумиллиона коммунистов вышли из ИКП, и в любом случае для итальянских коммунистов СССР переставал быть непререкаемым авторитетом в вопросе построения социализма. Правда, образ социалистической страны и ее народа, победившего нацизм и фашизм во Второй мировой и Великой Отечественной войне служил до определенной степени образцом для подражания¹¹.

Новая партия итальянских коммунистов поставила цель стать реально независимой от диктата КПСС в глазах становившегося все более массовым электората ИКП. Этому способствовали демократические и парламентские традиции в стране, проведение структурных, социальных реформ, в которых были заинтересованы широкие слои граждан. К тому же, на наш взгляд, стереотипы представлений и поведения, генетическая память и культурные коды, заложенные в культурном ядре итальянцев, климатические и геополитические особенности страны не согласуются с подавлением человеческой личности и личной свободы во имя абстрактной справедливости и самых совершенных форм государственного устройства. Еще в середине XIX в. политик и общественный деятель Т. Мамиани отмечал, что идеи, предлагаемые представителями коммунистических утопий, не могут быть популярны в Италии¹².

⁷ Тольятти П. Избранные статьи и речи, т. 2. М., 1965, с. 50.

⁸ В частности, невозможность пребывания коммунистов в правительстве Италии в связи с его решением принять помощь по плану Маршалла. Коммунисты вышли из правительства весной 1947 г.

⁹ В результате за 40 лет с 1945 по 1984 гг. в Италии сменилось 44 правительства.

¹⁰ Тольятти П. Интервью газете «Борба» об итальянском пути к социализму. — Избранные речи и статьи. Т. 1. (1923 год — октябрь 1956 года). М., 1965, с. 915—919.

¹¹ Ulam A.B. Expansion and Coexistence: Soviet Foreign Policy, 1917—1973. New York, 1974, p. 456—457.

¹² О культурном ядре, поведенческих стереотипах и векторе политической культуры итальянского народа см.: Князева С. Е. Итальянцы и воздух свободы. Итальянско-российское взаимодействие в контексте национальной идентичности итальянцев. — Вестник Европы.

Доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС стал, скорее всего, глубоким потрясением для лидера итальянских коммунистов, как для многих членов руководства ИКП, и толчком для переосмысления ортодоксального марксизма-ленинизма, а особенно сталинской практики его практической реализации, которых вынуждены были придерживаться представители «старой гвардии». В докладе на VIII съезде ИКП Тольятти указал на «ошибочные действия» Сталина, такие, как отступление от принципов революционной законности и коллективного управления. Предполагая возможность отхода высших советских функционеров от критики культа личности Сталина, Тольятти подчеркивал значимость фигуры вождя для международного коммунистического движения, поскольку, по его мнению, иное могло бы привести к краху идеализированного образа СССР, воспринятого многими итальянскими коммунистами, особенно «старой гвардии». Это свидетельствует о прагматизме «Лучшего» и «Двуликого Януса» (как называли Тольятти его соратники), исходившего в своих действиях из соображений политической целесообразности.

Декларируя возвращение к абстрактным и специфически понимаемым ленинским нормам, Тольятти обращается к наследию Антонио Грамши — фигуры, не одобряемой руководством КПСС, но, что особенно следует подчеркнуть, оказавшей серьезное влияние на формирование в дальнейшем идеологии и стратегии еврокоммунизма. Вообще, после XX съезда КПСС позиции Тольятти, а вслед за ним, и ряда его сторонников в руководстве ИКП уже далеко не всегда согласовывались ни в дискурсе выступлений, ни особенно на практике с ортодоксальной марксистско-ленинской теорией (хотя на словах он все же декларировал свою приверженность ей до конца жизни) и особенно с политикой КПСС и СССР — напротив, чем дальше, тем более заметны расхождения с ней. Таким стало его пусть осторожное и сначала завуалированное, но все же осуждение ввода войск ОВД в Будапешт в ноябре 1956 г. Это его осторожная позиция на Совещании коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 гг. И это, конечно, «Памятная записка» («Promemoria»), написанная им в последние дни его жизни.

На волне разоблачений сталинских преступлений в ИКП началось переосмысление итальянского пути к социализму, официальной советской идеологии и ее соответствия ленинизму. Тольятти выразил уверенность в необходимости сохранения независимости компартий, их полной автономии. Примечателен тот факт, что в следующем, 1957, году Итальянская компартия фактически отказалась от финансирования из СССР. Итальянские коммунисты были заняты уточнением линии развития в направлении к социализму в формах парламентской демократии и исходя из политической целесообразности через такие каналы воздействия, как соблюдение Конституции Итальянской республики, борьба за проведение реформ в аграрной сфере, использование возможностей «Welfare State» и ценностных ориентиров, продвигаемых современными либеральными демократиями.

Тольятти уже в 1958 г. сделал вывод, ставший отправной точкой для продвижения впоследствии идеи о необходимости формирования нового парламентского большинства как основы нового правительства с непрременным участием в нем коммунистической фракции¹³, ставшей впоследствии важнейшей опорой стратегии исторического компромисса и органической частью идеологии еврокоммунизма. Важным толчком к этому послужили события 1968 г. в Чехословакии: новое руководство ИКП проанализировало вклад архитекторов «Пражской весны» А. Дубчека, З. Млынаржа, Л. Вацулика и дало оценку советской модели как неспособной к обновлению и неприемлемой ни для Восточной, ни для Западной Европы. А позиция КПСС по целому ряду вопросов внутренней и внешней политики, в частности, доктрина ограниченного суверенитета была подвергнута жесткой критике.

Непрерывный журнал. — URL: <http://www.vestnik-evropy.ru/continuous-magazine/svetlana-knyazeva-the-italians-and-the-air-of-freedom-.html>

¹³ Тольятти П. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 173. Эта идея была осуществлена в 1976 г., в период коалиции парламентского большинства с участием ИКП.

Но и Тольятти уже в начале 1960-х гг. заметно отошел от ортодоксальных позиций. Подтверждением этому служит его убеждение (к концу жизни сильно укрепившееся), что модель СССР в ее конкретном советском варианте не может быть осуществлена в западноевропейских странах. Анализируя его рассуждения о необходимости отказа от системы блоков и принимая во внимание заголовок статьи «К социализму в Европе?», можно утверждать: идея продвижения именно к социализму подвергалась им в этот период значительному сомнению¹⁴.

Правда, вплоть до конца 1960-х — начала 1970-х годов итальянские коммунисты сами во многом ограничивали расширение собственной массовой базы, предпочитая работу с кадровым промышленным пролетариатом. Это объяснялось приверженностью многих коммунистических функционеров базовому положению ортодоксальной коммунистической доктрины, хотя численность и влияние этой социальной группы в обществе неуклонно сокращалось по сравнению с новыми социальными слоями на новом витке научно-технического прогресса уже начиная с середины 1950-х гг.

Вплоть до середины — начала второй половины 1960-х годов, несмотря на все попытки ИКП дистанцироваться от СССР путем отказа от курса на социалистическую революцию, диктатуру пролетариата, от употребления соответствующих терминов, а также разработки собственного пути к социализму, *размежеваться* с советскими коммунистами им на том этапе не удалось. Однако именно на рубеже 1950—1960-х годов опыт СССР все же переставал быть в восприятии итальянских коммунистов и большей части руководства ИКП единственно правильным, а советское государство — образцом для подражания. Уже тогда ИКП стала обращать внимание на традиционно значимую для нее проблему соблюдения свобод и прав человека в СССР: в 1963 г. была издана статья на соответствующую тему¹⁵, и это свидетельствовало, по убеждению известного писателя и журналиста Дж. Бокка, об избавлении лидера итальянских коммунистов от «верноподданнического чувства»¹⁶.

Не могла не оказать воздействия на лидера итальянских коммунистов и знаменитая энциклика Папы Иоанна XXIII «*Mater et magistra*» (15 мая 1961 г.). В условиях конкретно-исторической и политической ситуации в стране и соперничества с правящей ХДП, *Лучший*, вероятно, даже в первую очередь учитывал настроения католиков-членов ИКП и католического электората партии, о чем свидетельствует его выступление на встрече в Бергамо в марте 1963 г., в котором делается упор на союз коммунистов с широкими массами католиков.

Папа-реформатор изданием энциклик «*Mater est magistra*» и «*Pacem in terris*» (11 апреля 1963 г.) и политикой обновления церкви в ходе Второго Ватиканского Собора (октябрь 1962 — декабрь 1965 г.) способствовал не только глубокому обновлению и реформированию католической церкви, но и уменьшению международной напряженности в условиях острой фазы биполярного противостояния в период Карибского кризиса 1962 г. и сразу после него.

Привлекая внимание к вопросам гуманитарного сотрудничества и общечеловеческим ценностям, Иоанн XXIII заявил в энциклике «*Mater et magistra*» об уважении современной католической церкви таких неотчуждаемых прав человека, как право на жизнь, священное для верующего человека, а также на свободу и собственность, о необходимости соблюдения права любого человека и народа на уважение к его достоинству, внутреннему личному пространству, на достойную жизнь, счастье и благосостояние, на созидательный труд, на участие в любых политических партиях и общественных организациях и их сотрудничество.

Папа продемонстрировал готовность к расширению контактов католиков с коммунистами, хотя квалифицировал как абсурдные преследующие верующих людей манихейские идеологии, имея в виду марксизм-ленинизм и социалистический

¹⁴ Togliatti P. Verso il socialismo in Europa? — Rinascita, 1963, № 41, p. 3—4.

¹⁵ Togliatti P. Ancora sulla liberta. — Rinascita, 1963, № 23, p. 1.

¹⁶ Бокка Дж. Пальмиро Тольятти. М., 1974, с. 563.

эксперимент. Подчеркивая, что отсутствие ответственности у граждан влечет за собой установление тиранических режимов, папа обосновал право на сопротивление деспотии, ущемляющей фундаментальные права личности и народа. Он указал на то, что главная цель современного государства — забота об общем благе народа, соблюдение морально-этических норм, основывающихся на христианской морали, и обеспечение базовых прав личности и достойного существования всех граждан¹⁷.

Памятная записка, написанная Пальмиро Тольятти 13 августа 1964 г. в Ливадии (Ялте) накануне запланированной им встречи с Н. С. Хрущевым, стала его политическим завещанием итальянским коммунистам, международному коммунистическому движению, оппозиции в СССР, в рядах КПСС и компартий в странах социалистического блока¹⁸. В почти безнадежной попытке убедить Н. С. Хрущева в необходимости сохранить единство коммунистического и рабочего движения он отправился в Советский Союз, где неожиданно скончался¹⁹. Но всего за несколько часов до того, как Тольятти приехал в Артек на встречу с советскими и итальянскими детьми, он был поражен смертельным недугом и передал своей соратнице по партии и участнице партизанского движения Нелле Марчеллино для перепечатки на машинке текст Записки, предназначавшейся не для распространения, а для приватной беседы с Первым секретарем ЦК КПСС, а потому написанной без эвфемизмов и обиняков. После его смерти, по решению Л. Лонго, текст документа получил название «Памятная записка».

В последующие годы, особенно с начала 1970-х годов, «Памятная записка» стала, наряду с концептуальными политическими и этическими построениями А. Грамши, — теоретической основой формирования стратегии еврокоммунизма для нового руководства ИКП в лице Энрико Берлингуэра.

«Памятная записка» свидетельствует о том, насколько глубокие изменения происходили в сознании итальянских (и, безусловно, некоторых западноевропейских) коммунистов, особенно интеллектуалов — и левого спектра Италии. Постепенно левые избиратели Италии стали осознавать, что подавление советской властью инакомыслия или даже несогласия с политикой КПСС и СССР, отступления от марксистско-ленинской теории, диктат в отношении коммунистических партий, вторжение на территории суверенных государств — все это едва ли согласуется с представлениями о Советском Союзе как о демократическом государстве.

В «Памятной записке» основное внимание уделено разрыву отношений КПСС и КПК, а по сути — отношений двух крупнейших социалистических государств, осуждению политики руководства КПК и Албанской Народной Республики, которые были подвергнуты жесткой критике за их «раскольническую» политику и за то, что они поставили под сомнение значение первого в мире социалистического государства как центра международного коммунистического движения под предлогом борьбы с «ревизионизмом» в СССР²⁰. При этом Тольятти склоняется к поддержке руководства КПСС и СССР, предпочитая (если использовать терминологию эпохи) советский «ревизионизм» китайскому и албанскому «сектантскому догматизму».

Однако в «Памятной записке» изложены и соображения, связанные с недопустимостью вмешательства любого государства в дела суверенных стран, контроля над комдвижением, в том числе путем воссоздания любых форм международного руководящего центра в Москве, подобного Коминтерну, а также нецелесообраз-

¹⁷ Энциклика Папы Иоанна XXIII «*Mater et magistra*», 15.V.1961. — http://w2.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_15051961_mater.html

¹⁸ Тольятти П. Памятная записка. — Правда, 10.IX.1964.

¹⁹ Жирнов Е. Последний день Пальмиро. — Власть. Коммерсантъ, 11.IX.2001; Князева С. Е. Забытое письмо с «холодной войны»: политическое завещание итальянского коммуниста. — Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. М., 2015, № 11, с. 186—188.

²⁰ Тольятти П. Доклад на X съезде ИКП, 2.XII.1962. — Тольятти П. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 788—789; *его же*. Памятная записка.

ностью построения социализма в разных странах, подгоняя его «под одну гребенку». Тесно связан с этим и поставленный Тольятти (хотя в обтекаемых терминах) вопрос о ставшем к этому времени уже очевидным отходе руководства КПСС от критики «культы личности» и «десталинизации» в СССР²¹.

Лидер Итальянской компартии перешел к констатации серьезных нарушений законности и Конституции Советского Союза, совершенных Сталиным и при его попустительстве, поскольку, как подчеркивал лидер ИКП, «к преступлениям сталинского режима привели отсутствие в партии дискуссии и нелепое славословие в адрес одного человека»²². Серьезная вина за эти события лежит, по его мнению, на КПСС, на государственном и административном аппарате СССР²³, поскольку очевидны нежелание выявить глубинные причины возникновения сталинизма и замалчивание серьезных проблем в социалистическом обществе²⁴.

Представления Тольятти о демократии, основанные на уважении прав человека, демонстрируют, по сути, как контрастировали в своих приоритетах ИКП, с приверженностью, по крайней мере части ее руководства, гуманистической и основанной на уважении к закону традицией Италии, с одной стороны, и руководители стран «реального социализма», где доминировали принципы руководящей роли партии и демократического централизма, а человек оставался винтиком государственного механизма; права человека могли быть принесены в жертву абстрактному общему благу²⁵.

Отстаивая необходимость автономии коммунистических партий, Тольятти полагал, что они должны научиться действовать самостоятельно и с учетом специфики своей страны, причем успешному продвижению в направлении социализма способствует многообразие политических позиций и в любом случае недопустим диктат власти²⁶.

Говоря о привлечении союзников, Тольятти отмечал необходимость отмены антирелигиозной пропаганды, поскольку она сама по себе отталкивала значительное количество католиков. Разумеется, здесь Тольятти опирался на реалии своей страны, но полагал, что это во многом справедливо и для всей остальной Европы, например, для Польской Народной Республики, где атеистическая пропаганда, зачастую осуществляемая в оскорбительной для религиозного чувства католиков форме, отталкивала от коммунистов многих людей и создавала неприглядный имидж Советского Союза²⁷.

Проявления конкретного политического действия, хорошо известные Тольятти на примере деятельности сначала Коминтерна, затем Коминформбюро и, наконец, в ходе Совещаний коммунистических и рабочих партий (1957 и 1960 гг.), не могли не навести его на мысль о системном кризисе коммунистического движения и социалистического строя. Возможно, он уже тогда осознал, что «побудительный заряд Октября»²⁸ начинает исчерпывать себя. В связи с этим Тольятти выступал за обновление коммунистического движения, за реформирование системы социализма, за отказ от догматизма. Призыв к пересмотру средств борьбы, к плюрализму мнений и плюрализму в политике, к соблюдению этических норм — уже, по сути дела, означал вызов установленному СССР и КПСС раз и навсегда существующему порядку. С точки зрения официальной советской идеологии это было серьезнейшее отступление от марксистско-ленинского учения, «ревизионизм» — явление,

²¹ Тольятти П. Памятная записка.

²² Там же; Тольятти П. Доклад о XXII съезде КПСС на совместном заседании ЦК и ЦКК ИКП в Риме 10 ноября 1961 г. — Избранные статьи и речи, т. 2, с. 642—643.

²³ Тольятти П. Доклад о XXII съезде КПСС..., с. 642—644.

²⁴ Тольятти П. Памятная записка.

²⁵ Spagnolo C. Sul memoriale di Yalta. Roma, 2007, p. 63.

²⁶ Тольятти П. Памятная записка.

²⁷ Там же.

²⁸ На январском (1982 г.) Пленуме ИКП Э. Берлингуэр без обиняков заявил о своем убеждении, что «побудительный заряд Октября полностью исчерпал себя».

безоговорочно осуждаемые и свидетельствующие о «буржуазном влиянии», глубоко чуждое и враждебное для коммунистических партий.

«Памятная записка» П. Тольятти отразила его сомнения если не в избранном Советским государством пути, хотя, судя по всему, он уже пришел к осознанию этого факта, то, по крайней мере, в том, в какой тупик завел советскую страну этот путь. Его идеи получили развитие в идеологии, которую создали несколько лет спустя родоначальники еврокоммунизма — итальянские и испанские коммунисты. Ведь еврокоммунизм — идеология единства, сотрудничества и конструктивного диалога, а особый упор сделан на этических положениях. В этом смысле можно утверждать, что в конце своей жизни Пальмиро Тольятти стал родоначальником идеологии еврокоммунизма.

Корреспондент газеты «Унита» историк и журналист Дж. Боффа оценил критически состояние экономики СССР, идеологические основы, внешнеполитическую деятельность Советского Союза, отметив серьезные проблемы советского общества, как практические, так и этического порядка²⁹. И если Тольятти не считал возможным высказывать скептические суждения по проблемам экономического развития СССР, то Боффа открыто заявил о нехватке потребительских товаров в СССР, об отсутствии реальных реформ, слабом развитии сельскохозяйственного сектора, упрекая руководство СССР в замалчивании этих проблем перед мировым сообществом³⁰. Другой проблемой советского общества, по мнению эксперта, являлись пережитки сталинизма, а именно «манихейский подход» к созданию исторической политики, жесткая критика или игнорирование работ западных ученых без подведения достаточной доказательной базы. Все эти проблемы наносили ущерб Советскому Союзу как в мировом сообществе, так и в стране, поскольку доверие к системе продолжало падать³¹.

1968 год ознаменовала «Пражская весна». Начиная с января реформы, проводимые новым правительством во главе с А. Дубчеком, поставили целью развивать в стране демократические институты, осуществить структурные преобразования и возродить в этой стране существовавшие в ней до 1948 г. традиции политического плюрализма и гласности, что нашло отражение в «Манифесте 2000 слов», написанном известным публицистом Людвиком Вацуликом в конце «Пражской весны» — иными словами, «создать социализм с человеческим лицом» и вернуться «к ленинским нормам» социалистического общежития в Чехословакии.

Об этом пишет в своих воспоминаниях Ч. Цисарж, председатель Чешского национального совета, уже в течение нескольких лет до «Пражской весны» выступавший за «исправление ошибок, за изменение режима, возвращение «человеческого лица» социализму... исходя из концепции, отвечающей общественным потребностям — реформировать систему социализма как таковую»³².

Компартии Западной и Восточной Европы оценивали итоги «Пражской весны» по-разному. Большая часть руководства и рядовых коммунистов были убеждены в том, что реформы А. Дубчека дали новый стимул к развитию социальной справедливости в сочетании с демократическими свободами и правами человека, и, по мнению Ч. Цисаржа, Итальянская компартия оказала чехословацким реформаторам «вдохновляющую поддержку». Ведь политика реформ поставила целью развитие социальной справедливости в стране в сочетании с демократическими свободами и правами человека, то есть вполне соответствовала курсу Итальянской компартии на осуществление структурных реформ в Италии, а в более широком смысле — европейской либеральной традиции.

²⁹ Боффа Дж. После Хрущева. М., 1966, с. 201—215.

³⁰ Там же, с. 163—165.

³¹ Там же, с. 156—157, 159.

³² Цисарж Ч. От мая к июню. — Вопросы истории, 2008, № 11—12.

Лидер ИКП Луиджи Лонго фактически сократил до минимума традиционные восхваления в адрес Советского Союза, выразил поддержку политике КПЧ лично во время визита в Прагу в мае 1968 г., а затем и в прессе³³. Энрико Берлингуэр заявил о праве на суверенитет своей (как и любой другой) партии, о ее праве иметь собственное суждение и действовать самостоятельно³⁴.

По мнению французского исследователя Жака Левека, вплоть до 1973 г. итальянские коммунисты не подвергали сомнению свое пребывание в рядах партии³⁵. Вероятнее всего, интерес к идеям, продвигаемым европейской социал-демократией, был не слишком силен в Италии, особенно в силу того, что, во-первых, до начала 1970-х гг. компартия ориентировалась на работу с кадровым промышленным пролетариатом, несмотря на глубочайшие изменения социальной структуры общества³⁶, а во-вторых, влияние социал-демократов и социалистов в итальянском обществе было не слишком сильно. Проблема осложнялась тем, что речь шла не только об отказе итальянских коммунистов следовать курсу КПСС и СССР, но о необходимости признания глубокого системного срыва советской идеологической и социально-политической системы³⁷.

Левек поддерживает мнение итальянского историка Паоло Сприано, что даже после «Пражской весны» многие итальянские коммунисты считали Советский Союз «миротворцем», социалистическим государством, «несущим мир и прогресс в мире», а вторжение войск в Прагу рассматривали лишь как трагическую ошибку советского руководства, но не как акт агрессии, присущей советской системе³⁸.

Точка на событиях «Пражской весны» была поставлена после ввода в Чехословакию войск ОВД, поскольку руководство СССР сочло реформы проявлением «буржуазного влияния» Запада, «ревизионизмом», допущенным руководством КПЧ, прямым отступлением от социализма как такового, «угрозой делу социализма»³⁹. Советский Союз не мог допустить ослабления позиций непосредственно в зоне своего геополитического и идеологического влияния, вследствие чего, в соответствии с доктриной ограниченного суверенитета и в рамках «оказания интернациональной помощи» ЧССР, в Москве было принято решение о вводе войск ОВД на территорию ЧССР (кроме румынских) 21 августа 1968 г.

«Пражская весна» и вторжение в суверенное государство Чехословакию в нарушение всех норм международного права стали главным катализатором изменения отношения ИКП к Советскому Союзу и советской системе. Рядовые итальянские коммунисты отреагировали на события в Чехословакии, в массовом порядке положив на стол партбилеты — за период осени/зимы 1968—1969 гг. из партии вышло около миллиона человек, что продемонстрировало недоверие к идеям социализма, но в какой-то мере, и к ИКП. Видный итальянский политик и эксперт, журналист Антонио Рубби утверждал, что вторжение войск ОВД стало поворотным моментом в политике ИКП и способствовало дальнейшему критическому переосмыслению ее

³³ Там же; Человек «Пражской Весны». Воспоминания Честмира Цисаржа. — Славяноведение, 2014, № 3. Мурашко Г. П., Слоистов С. М. Несколько слов о Честмире Цисарже. — Там же.

³⁴ *Berlinguer E.* Costruire una nuova unità internazionalista e compiere un passo in avanti verso il socialismo. — Enrico Berlinguer. XII Congresso del Partito comunista italiano. Atti e risoluzioni. Roma, 1969, p. 752—753.

³⁵ *Levesque J.* Italian communists versus the Soviet Union. Berkeley, 1987, p. 4.

³⁶ *Холодковский К. Г.* Эволюция политических институтов на Западе. М., 1999, с. 4—7.

³⁷ *Levesque J.* Op. cit., p. 2.

³⁸ *Ibid.*, p. 5.

³⁹ Доктрина ограниченного суверенитета была еще раз подробно изложена Генеральным секретарем ЦК КПСС после событий в Чехословакии на V съезде ПОРП. — *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. II. М. 1970, с. 329. Соратник А. Дубчека З. Млынарж подробно изложил эти события и позицию руководства СССР в книге: *Млынарж З.* Мороз ударил из Кремля: воспоминания одного из лидеров Пражской весны 1968 г. М., 1992.

стратегии и тактики, начавшемуся после XX съезда КПСС, «Памятной записки» и вследствие развития идеи Тольятти об итальянском пути к социализму⁴⁰.

Кризис коммунистического движения в Европе, в том числе Восточной, вызванный подавлением «Пражской весны» как эксперимента, поставившего цель глубокого обновления социализма и создания «социализма с человеческим лицом», выразился в усилении оппозиции так называемому реальному социализму. В 1971 г. известный польский диссидент Лешек Колаковский опубликовал очерк, названный весьма красноречиво: «Может ли крокодил быть с человеческим лицом?», на который сам польский оппозиционер дал в риторической форме негативный ответ на поставленный им самим вопрос. Заявление Колаковского немедленно получило популярность в Европе, особенно среди левых сил, и произвело на них, в том числе на итальянских коммунистов, неизгладимое впечатление.

События 1968 г. стали последней каплей, обусловившей резкое падение авторитета СССР и КПСС в европейском пространстве и в Италии. В феврале 1969 г. «Унита» опубликовала приветствия ряда зарубежных компартий в связи с начавшимся XII съездом ИКП, где содержалась критика доктрины ограниченного суверенитета и вмешательства во внутренние дела чехословаков⁴¹. В конце октября 1969 г. значительная часть руководства Итальянской компартии открыто выступила против доктрины Брежнева, мотивируя это необходимостью соблюдать нормы международного права⁴².

Прямым следствием событий 1968 г. стали идеология и стратегия еврокоммунизма, основанного, как уже подчеркивалось, на уважении национальных особенностей, на суверенитете партий и государств, диалоге между различными течениями, на компромиссе и соблюдении прав человека. Следует помнить, что практически все положения еврокоммунизма уже были подготовлены на предшествующих этапах развития идеологии и политики ИКП и особенно в «Памятной записке» Пальмиро Тольятти — первом документе еврокоммунизма. А для итальянского общества они выразились в стратегии исторического компромисса, нацеленной на широчайший союз трех основных исторически значимых сил Италии — коммунистов, социалистов и католиков. Важно и то, что при формировании массовой и избирательной базы коммунисты акцентировали необходимость работы уже не только с представителями пролетарских слоев и крестьянства (в соответствии с марксистско-ленинским учением и советской практикой), но в первую очередь с интеллектуалами — людьми искусства, образования, науки. Не случайно П. Тольятти считал показателем успешного развития СССР прежде всего достижения в экономической области и социальной политике, а Л. Лонго — высокое качество и уровень научных исследований и разработок, достойное положение ученых, большой научный потенциал⁴³.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий состоялось в июне 1969 г. в Москве. Итальянские коммунисты сначала выступили против его проведения, считая это несвоевременным с учетом сложившейся международной ситуации, но затем сочли возможным принять участие при условии, что оно должно носить консультативный характер и иметь целью создание новых форм сотрудничества, в том числе, не только с коммунистами⁴⁴.

---

⁴⁰ Рубби А. Коммунистические партии Западной Европы. М., 1979, с. 156; *его же*. Мир Берлингуэра. М., 1995, с. 38.

⁴¹ L'Unita, 13.II.1969.

⁴² L'Unita, 24.X.1969.

⁴³ Longo L. XII Congresso del Partito comunista italiano. Atti e risoluzioni. Roma, 1969, p. 65.

⁴⁴ Devlin K. Eurocommunism: Between East and West. — International Security, 1979, v. 3, № 4, p. 86.

Л. Лонго напрямую не подверг критике советское руководство, но выразил поддержку руководства КПЧ и Чехословакии, а именно реформ А. Дубчека, З. Млынаржа, И. Пеликана, чей политический курс был нацелен на «развитие демократии в социалистическом обществе», и призвал дать возможность компартии социалистической Чехословакии самостоятельно справиться с проблемами⁴⁵. Он также выступил за соблюдение принципа суверенитета в отношениях между компартиями и социалистическими государствами, на основе которого должны решаться возникающие разногласия⁴⁶. Энрико Берлингуэр поддержал призыв Лонго уважать суверенитет любой страны, ее независимость на пути строительства социалистического общества, указав, что военное вмешательство стран ОВД не только уязвило национальные чувства чехов и словаков, их стремление к демократизации своей страны, но и нанесло серьезный удар по международному престижу социализма⁴⁷. Он также подчеркнул, что на современном этапе необходимо отказаться от идеи о руководящей роли партии в стране (на чем настаивало руководство КПСС) и руководящей роли того или иного государства⁴⁸. К тому же, по убеждению Берлингуэра, сплоченное коммунистическое движение, представляющее собой «монолитную» силу, доказало на данном этапе свою несостоятельность, и любые декларации о полном единстве взглядов и мнений не могли вызвать доверия к движению в целом⁴⁹.

В числе серьезных проблем коммунистического движения лидер Итальянской компартии видел слепое осуждение всех тех коммунистов, чье мнение отклоняется от того, что считается идеологически и «доктринально чистым», приверженность схемам и догме, замалчивание возникающих проблем — вместо поиска и понимания объективных причин расхождений⁵⁰.

Советское руководство дало жесткий ответ на проявления ревизионизма в западноевропейском коммунистическом движении. Л. И. Брежнев констатировал, что «при всем уважении к национальным особенностям построения социализма необходимо помнить об общих закономерностях социалистического строительства, нарушение которых является прямым отступлением от социализма как такового»⁵¹. Но для итальянских коммунистов, начиная с Пальмиро Тольятти определивших свой национальный — итальянский — путь к социализму, основанный на либеральной итальянской традиции уважения к правам и свободам людей и государств, было немислимо нарушение суверенитета другого государства. Таким образом, можно констатировать все возрастающую автономию, а на деле — и независимость руководства Итальянской компартии и рядовых коммунистов от СССР и КПСС и дальнейшее их дистанцирование от Москвы. Руководство ИКП, приступив к дальнейшему осмыслению судьбы итальянского пути к социализму, сделало еще один шаг к тому, что в Советском Союзе называли проявлениями ревизионизма и буржуазного влияния в коммунистическом и рабочем движении, а в Западной Европе — еврокоммунизмом.

Необходимо подчеркнуть, что стратегия и идеология еврокоммунизма включает в себя две концептуальные основы — стратегию исторического компромисса, нацеленную на осуществление магистрального курса ИКП внутри страны, и собственно, еврокоммунизм — глобальные цели, поставленные компартией в рамках

---

⁴⁵ *Longo L. Posizione ed iniziative del Partito comunista italiano per lo sviluppo della lotta antimperialista e dell'unità del movimento operaio internazionale. — Longo L., Berlinguer E. La conferenza di Mosca. Roma, 1969, p. 24—25.*

⁴⁶ *Ibid.*, p. 22—23.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 23.

⁴⁸ *Berlinguer E. Internazionalismo nell'autonomia. — Longo L., Berlinguer E. Op. cit.*, p. 99—100.

⁴⁹ *Ibidem.*

⁵⁰ *Ibid.*, p. 99.

⁵¹ *Брежнев Л. И. Ленинским курсом*, т. 2, М., 1970, с. 329.

коммунистического движения в Италии, а по сути дела, и в левом спектре европейского сообщества. Однако несомненно и то, что эта стратегия была продолжением идеи Тольятти об итальянском пути к социализму и исполнением той части его политического завещания, где он настаивал на необходимости единства коммунистического движения, обсуждении проблем и разногласий и недопустимости исключения из движения тех, с кем эти разногласия возникают. Таким образом, базовые элементы идеологии еврокоммунизма можно, на наш взгляд, выделить в теоретической деятельности и, в меньшей степени, практической работе Пальмиро Тольятти⁵². Было бы ошибочным считать, что рождение этой идеологии связано лишь с фигурой Берлингуэра, который в 1972 г. был избран Генеральным секретарем ИКП.

После государственного переворота в Чили 11 сентября 1973 г. и свержения демократического правительства Сальвадора Альенде Берлингуэр опубликовал несколько статей, посвященных анализу уроков событий в Чили и в Чехословакии. Он считал эти уроки особенно актуальными: чилийские коммунисты и социалисты, так же, как коммунисты Чехословакии, избрали свой собственный демократический путь обновления, но были отстранены от власти военной диктатурой Пиночета. В Чехословакии в результате вторжения иностранных государств коммунисты-реформаторы подверглись преследованиям⁵³. Берлингуэр, безусловно, учел уроки «Пражской весны», архитекторы которой А. Дубчек, З. Млынарж, Л. Вацулик начали осуществлять политику глубокого демократического обновления и движения в направлении социализма с человеческим лицом в противовес брежневскому «реальному социализму», где доминировали подавление свободной мысли и волеизъявления и методы жесткого авторитарного диктата во внутренней и внешней политике.

Хотя ни в одной из статей СССР не был упомянут, выводы основаны на глубоком анализе не только чилийского, чехословацкого или итальянского, но и чем дальше, тем больше — советского исторического пути. Руководство ИКП подвергло критике такие тревожные проявления советской действительности, как система привилегий для высшего эшелона власти СССР, проявления застоя на основных направлениях развития, геронтократия в Политбюро, засилье бюрократического аппарата, авторитарные методы управления страной и подавление инакомыслия. Подтверждением тому служили в 60—70-е годы процессы против несогласных с политикой режима, в частности, процессы Ю. Даниэля и А. Синявского, А. Д. Сахарова, П. Г. Григоренко, Ю. Т. Галанскова и А. И. Гинзбурга, а также Андрея Амальрика, о чем много писала в те годы итальянская коммунистическая пресса⁵⁴.

Переосмысливая путь, который прошла ИКП с момента своего основания, а главное — принимая во внимание стратегию напряженности, осуществляемую начиная с конца 1960-х годов реакционными и экстремистскими силами Италии при попустительстве определенной части консервативных сил, в том числе находившихся у руля власти⁵⁵, Берлингуэр обращался и к опыту Движения Соппротивления

⁵² Князева С. Е. Памятная Записка Пальмиро Тольятти: первый манифест еврокоммунизма. — Итальянская республика в меняющемся мире. Доклады Института Европы, вып. 306. М., 2014, с. 90—93.

⁵³ *Berlinguer E. Riflessione sull'Italia dopo e fatti del Cile. Imperialismo e coesistenza alla luce dei fatti cileni.* — *Rinascita*, 1973, № 38, p. 4.

⁵⁴ *L'Unita*, 10.II.1971; 29.III.1973.

⁵⁵ Речь идет об активизации, особенно начиная с 1969 г., неофашистского движения и неофашистской партии ИСД-НП, не без участия которой по ряду итальянских городов прокатилась волна взрывов и поджогов (в частности, взрывы в Милане и Риме 12 декабря 1969 г.) с многочисленными человеческими жертвами. После побед коммунистов, а также ВИКТ и других центров профсоюзного движения, завоеваний «жаркой осени» 1969 г. участились выступления право- и левоэкстремистских (неотроцкистских, маоистских) групп. В начале декабря 1970 г. был раскрыт заговор «черного князя» Ю. В. Боргезе — одного из лидеров неофашистского движения, занимавшегося подготовкой государственного переворота, назначенного на 12 декабря 1970 г.

в 1943—1945 гг., когда за свободу, независимость и демократию Италии сражались пролетарии и крестьяне, представители среднего класса, кадровые военные, католики и не католики. Такая стратегия широчайших союзов не только на уровне партийных коалиций — ИКП, ХДП, ИСП и других, — но и на базе массовых объединений помогла сплотить страну в Соппротивлении и победить в войне, и именно такое единство нового Соппротивления, по мнению Берлингуэра, могло и в 1970-е годы способствовать соблюдению демократических норм и законности, осуществлению структурных реформ, обновлению в стране⁵⁶. Вероятнее всего, он принял во внимание опыт недавнего прошлого, когда Италия едва не стала в декабре 1970 г. на путь военной диктатуры по греческому сценарию 1967 г. — наподобие режима «черных полковников» — или военной хунты Пиночета после переворота в Чили в 1973 г.

Учитывая необходимость массовой поддержки политики обновления, новый лидер ИКП взял курс на осуществление стратегии широких и массовых социальных и политических союзов исторически значимых демократических сил — коммунистических, социалистических и христианско-демократических — и назвал ее стратегией исторического компромисса. Эта стратегия, которую лидер ИКП разрабатывал начиная с осени 1973 г. в экспертных статьях журнала «Ринашита» и которая была принята на XIV съезде партии в марте 1975 г.⁵⁷, должна была, по его мысли, осуществляться через создание межпартийного, но, главным образом, широчайшего социального блока, через использование парламентской трибуны, расширение парламентской группы в законодательном органе власти⁵⁸ и путем работы в массовых организациях, способных ограничить произвол вертикали власти. Анализ этих событий подвел лидера ИКП к мысли о том, что блока левых партий будет недостаточно для сохранения либеральной демократии, что стратегию союзов необходимо распространять на сотрудничество и союз с ХДП, частью либералов и другими центристскими партиями, особенно, на массовом уровне — это и станет осуществлением исторического компромисса⁵⁹.

Стратегия исторического компромисса сначала была не слишком популярной ни в самой Италии, ни за ее пределами, за исключением интеллектуального ядра ИКП. Одни эксперты считали ее политическим курсом, рассчитанным на установление формального соглашения с христианскими демократами, другие — усматривали в ней лишь стратегическую линию ИКП, нацеленную на постепенное преобразование общества и внедрение в него отдельных элементов, свойственных социализму⁶⁰. Исторический компромисс воспринимался и как вариант межправительственного сотрудничества, и его осуществление могло способствовать предотвращению конфликтов и переворотов, подобных чилийскому⁶¹.

Уже в первые годы осуществления стратегии итальянские коммунисты добились серьезных успехов на уровне сохранения и увеличения массовой базы партии и своего электората. На выборах в органы местного самоуправления, состоявшихся в июне — августе 1975 г., коммунисты добились впечатляющих (впервые с середины 1940-х годов) результатов. Число поданных за ИКП голосов составило в среднем 33—34 % (в среднем по Италии 33,4 %, т.е. на 5,5—6 % больше по сравнению с выборами 1970 г.), увеличившись во всех областях и достигая максимальных величин в Пьемонте, где число голосов возросло на 8 %. Правящая ХДП опережала их

⁵⁶ *Berlinguer E.* Riflessione sull'Italia dopo e fatti del Cile. Via democratica e violenza reazionaria. — *Rinascita*, 1973, № 39, p. 3.

⁵⁷ *Cronologia 1975.* — <https://sites.google.com/site/sentileranechecantano/cronologia/1975>

⁵⁸ *Berlinguer E.* Riflessione sull'Italia dopo e fatti del Cile. Alleanze sociali e schieramenti politici. — *Rinascita*. 1973, № 40, p. 4.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 3—4.

⁶⁰ *Попов Л. Б.* Воспоминания о еврокоммунизме. М., 2008, с. 40.

⁶¹ *Рубби А.* Мир Берлингуэра, с. 17.

в среднем всего на 0,9—1,5 %, а в ряде областей «красного пояса», где избиратели традиционно отдавали предпочтение коммунистам, они вышли на первое место, обойдя ХДП⁶². И на Юге, в частности, в Сицилии, за ИКП проголосовали 20,7 % избирателей. Даже в Калабрии число избирателей, подавших голоса за ИКП, возросло на 2 %; ИКП уступила только Христианским демократам⁶³. Показательно, что в этих выборах впервые приняли участие молодые итальянцы, получившие, в связи с принятием весной 1975 г. нового избирательного закона, право голоса с 18 лет — популярность ИКП росла и среди молодежи.

Еще более убедительной стала победа ИКП на парламентских выборах 20—21 июня 1976 г., когда за компартию проголосовали 34,4 % — более трети всех избирателей. Правда, число избирателей ХДП также возросло до 38,7 %, и занять лидирующие позиции коммунистам не удалось⁶⁴. Такие крупные интеллектуалы, деятели науки и культуры, как Р. Ла Валле, Ф. Брецци, М. Гоццини (последний избирался на 3 срока в Сенат Республики от ИКП⁶⁵), не только стали отдавать предпочтение ИКП на выборах, но и некоторые из них связали с компартией свою судьбу. Они стали проводить активную работу с католиками — традиционным электоратом ХДП. Одним из последовательных сторонников политики Берлингуэра в ИКП (хотя и не безусловно поддерживавшим его) был, особенно начиная с 1970-х годов, Дж. Наполитано, Президент Италии в 2006—2015 гг. от Демократической партии, в 1970-е годы занимавшийся работой в массах, культурной и организационной политикой компартии⁶⁶.

Все это позволило компартии серьезно увеличить парламентскую фракцию и, в полном соответствии со стратегией исторического компромисса, создать парламентское большинство, на которое опирались правительства в 1976—1979 гг., поскольку после выборов 1976 г. христианские демократы не могли обойтись без поддержки коммунистов. В соответствии с провозглашенным курсом национальной солидарности уже с лета 1976 г. коммунистам удалось заключить ряд соглашений с ХДП. Лидер христианских демократов и премьер-министр Италии в 1974—1976 гг. А. Моро в феврале 1977 г. высказался за тесное взаимодействие с коммунистами, а на определенных условиях — и включения их в правительство. А. Моро стал, таким образом, архитектором стратегии исторического компромисса между центристскими силами⁶⁷, в первую очередь, ХДП, и коммунистами — впервые в несоциалистической части мира.

С марта 1978 г. ИКП приняла, наконец, участие в парламентском большинстве в качестве равноправного партнера, но в начале 1979 г. руководство партии решило вернуться в оппозицию, а на XV съезде (март 1979 г.) большинство поддержало курс на вхождение в правительство, констатируя, что лишь таким образом возможно реально оказывать влияние на политику страны⁶⁸.

⁶² Risultati delle elezioni regionali del 15 giugno 1975. — URL: <http://clmr.infoteca.it/bw5net/ShowFileAS.ashx?Filename=IwNDLXrLT%20d86fddjq1guwjYICFZZAqW9/8JjPuB8lgN23DUyAeXwunoMf/gIbOQ>

⁶³ Cronologia 1975. — URL: <https://sites.google.com/site/sentileranechecantano/cronologia/1975>

⁶⁴ <http://www.corriere.it/speciali/elezioni/pop-upprecedenti.shtml>

⁶⁵ *Selvatici F.* Addio al senatore Gozzini con lui il carcere più umano. — URL: http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/1999/01/04/addio-al-senatore-gozzini-con-lui-il.html?refresh_ce

⁶⁶ Дж. Наполитано продолжал активную деятельность на этих направлениях и после смерти Э. Берлингуэра, когда партию возглавил А. Натта (до 1988 г.). Наполитано после распада компартии был одним из лидеров Демократической партии левых сил, непосредственной преемницы ИКП, партии «Оливковая ветвь» и еще нескольких небольших левых групп, которые составили левоцентристскую коалицию. В 2006 г. он стал Президентом Итальянской Республики. С 2009 г. Наполитано отошел от Демократической партии, декларируя себя независимым политиком.

⁶⁷ В марте 1978 г. А. Моро был похищен террористами из «Красных бригад», а 9 мая убит.

⁶⁸ В начале 1979 г. кабинет министров без предварительных консультаций с ИКП принял решения о присоединении страны к европейской валютной системе и о руководстве государственных компаний.

Летом 1978 г. партии национальной солидарности вынудили президента Италии Дж. Леоне уйти в отставку после разразившегося в стране скандала с компанией «Локхид», замешанной в подкупе итальянских политиков. В 1977 г. был принят закон о занятости среди молодежи, расширены права военнослужащих, снизились темпы роста инфляции. Лидер Итальянской компартии отдавал себе отчет в том, с какими трудностями неизбежно будут сталкиваться коммунисты в своей практической деятельности на парламентском уровне, в борьбе за принятие прогрессивных законов и осуществлении политики структурных реформ. В своем интервью летом 1981 г. Берлингуэр без обиняков заявил, что для современной Италии характерны такие негативные явления, как партократия, клановость, оторванность партий от реальных социальных и иных проблем, коррумпированность многих даже очень крупных политиков, растущий индифферентизм избирателей, их неверие в возможность реальных перемен в стране⁶⁹.

Заметное влияние на позицию ИКП в отношении СССР оказало меняющееся положение Италии и самой ИКП на внешнеполитической арене, быстрое, особенно, со второй половины 1970-х годов, развитие интеграционных процессов в Европе, где Итальянское государство играло роль одного из создателей ЕЭС: новый, политический, этап европейской интеграции, успехи на выборах в Европейский парламент и активное участие итальянских коммунистов в его деятельности. Усиливающиеся процессы интеграции поставили партию перед необходимостью решать международные проблемы, сотрудничая с итальянским и европейским парламентами, и учитывать линию коммунистического движения, как европейского, так и мирового⁷⁰. На коммунистов Италии оказывало влияние общее для многих итальянцев стремление оставаться одним из главных участников единого европейского пространства, что требовало тщательной проработки политического курса при том, что до создания единой Европы интересы сверхдержав и связанных с ними блоков не давали ей возможности играть роль третьей силы.

Первые же прямые выборы в Европейский парламент 10 июня 1979 г. принесли успех итальянским коммунистам: они набрали 10 361 344 голосов или 29,57 % избирателей и 24 места в парламенте, причем ХДП обогнала их менее чем на 2 млн (она получила поддержку 12 774 320 или 36,45 % избирателей и 29 мест)⁷¹. А на следующих выборах в Европарламент (17 июня 1984 г.) ИКП обогнала христианских демократов и впервые за всю историю своего существования заняла лидирующие позиции — 11 714 428 голосов или 33,33 % и 27 мест в парламенте⁷².

Несмотря на усиливающееся дистанцирование ИКП от КПСС и СССР, а также на идеологическое противостояние с США, Берлингуэр сделал ставку на последовательно независимый курс своей партии в этом противостоянии, не желая идти как по пути ортодоксального коммунизма, так и принять социально-политическую модель, предлагаемую идеологическим ведомством Америки. Таким образом, итальянские коммунисты должны были играть в идеологическом противоборстве сверхдержав роль «третьей силы», и в таком ракурсе их идеологической и этической модели неизбежно становилась модель конвергентного общества, безоговорочно осуждаемая официальной советской идеологией.

В то же время, согласно убеждению лидера итальянских коммунистов, Италия и страны Западной Европы как единое целое также должны играть самостоятельную роль в мировой политике. Был выдвинут принцип: «ни антисоветизм, ни анти-

⁶⁹ Выдержки из интервью Э. Берлингуэра журналисту Э. Скальфары 28.07.1981. — <https://sites.google.com/site/sentileranehecantano/cronologia/1981>

⁷⁰ Рубби А. Мир Берлингуэра, с. 14.

⁷¹ Dipartimento per gli affari Interni e Territoriali. Archivio storico delle elezioni. Italia+Estero. — <https://sites.google.com/site/sentileranehecantano/le-elezioni-in-italia/europee/1979>

⁷² Христианские демократы набрали 11 583 767 или 32,96 % голосов и получили 26 мест. — <http://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel-E&dtel-17/06/1984&tpa-Y&tpe-A&lev0-0&levsut0-0&es0-S&ms-S>

американизм», то есть биполярной модели миропорядка была противопоставлена модель — европейское пространство как «третья сила»⁷³. Не случайно в администрации США сочли еврокоммунизм опасной тенденцией, угрожавшей пребыванию Италии в Североатлантическом альянсе и доступу американского 6-го флота к стратегическим точкам Средиземноморья. Участие ИКП в правительстве могло бы способствовать, по мнению американских экспертов, утечке секретной военно-политической информации через агентов советских спецслужб.

Таким образом, стратегию еврокоммунизма следует рассматривать как курс на усиление роли Европы как третьей, независимой, силы в миропорядке эпохи «холодной войны», с одной стороны, и на создание европейского коммунистического движения — третьей силы, противопоставляющей себя как ортодоксальному коммунизму и реальному социализму, так и (гораздо в меньшей степени) социал-демократии и связанным с ней левым силам, с другой. ИКП, всячески подчеркивая автономию от СССР, все больше ориентировалась на единую Европу и европейское сообщество. Руководство КПСС и СССР восприняло еврокоммунизм итальянских коммунистов и его поддержку оппозиции «реальному социализму» крайне негативно, так же как перспективу вхождения коммунистов в правительство и сотрудничество с «империалистическими кругами Запада»⁷⁴.

Доктрину и стратегию итальянского еврокоммунизма активно поддержало руководство испанской компартии и, даже на начальном этапе, куда в меньшей степени, — руководство ФКП во главе с Ж. Марше⁷⁵. На встрече в Ливорно (июль 1975 г.) итальянские, испанские и французские⁷⁶ коммунисты приняли совместную декларацию, в которой, в частности, было подчеркнуто, что в западноевропейских странах «продвижение к социализму может быть осуществлено лишь посредством длительной эволюции, исключительно мирным путем, с учетом национальных условий каждой страны». Главное, демократия — основная ценность современной европейской культуры — может существовать лишь в светском государстве, при наличии политического плюрализма и должна проявляться не просто в словесных декларациях, но в уважении базового права человеческой личности на свободу и, соответственно, выражаться в гарантиях свободы мысли, волеизъявления и вероисповедания, свободы научных исследований, культуры, искусства»⁷⁷.

Уже на этом этапе для еврокоммунизма были характерны следующие опорные положения. Во-первых, СССР перестал рассматриваться как образец для подражания и единственная модель продвижения к социализму — каждая партия должна действовать с учетом национальной специфики. Во-вторых, компартии начинали предпринимать реальные (не на уровне деклараций) шаги к созданию союзов прогрессивных сил и практической работе с новыми социальными слоями «во имя демократического и социалистического обновления общества» и изоляции реакционных групп⁷⁸. Наконец, в-третьих, перед еврокоммунистическими партиями стоя-

⁷³ La politica estera italiana. — A cura di Natalino Ronzitti. Milano, 1977, p. 97.

⁷⁴ Начиная с XIII съезда (весна 1975 г.) материалы съездов ИКП на русский язык в СССР не переводились.

⁷⁵ Лидер ИСП Сантьяго Каррильо опубликовал в 1977 г. книгу «Еврокоммунизм и государство», после чего испанская компартия стала осуществлять стратегию еврокоммунизма. Встреча Каррильо с Берлингуэром в Ливорно в июле 1975 г. и совместные заявления в ходе этой встречи свидетельствуют, что лидер испанских коммунистов разделял идеи еврокоммунизма еще с начала 1970-х годов, в последние годы режима Франко, когда КПИ еще находилась в подполье.

⁷⁶ В основном декларация была поддержана лишь итальянскими и испанскими коммунистами: отношение к идеологии и стратегии еврокоммунизма у французских коммунистов было достаточно сдержанным, что проявилось в их отказе осудить вторжение ограниченного контингента советских войск в Афганистан и события в Польше. — *Ravveduto M. Politica italiana, storia* 12 luglio 2015. Quarant'anni fa a Livorno si avviava la stagione dell'Eurocomunismo. — <https://www.fanpage.it/quarant-anni-fa-a-livorno-si-avviava-la-stagione-dell-eurocomunismo/>

⁷⁷ Ibidem

⁷⁸ Ibidem.

ли задачи серьезной перестройки их организационной структуры в новых условиях и с учетом сокращения численности традиционного рабочего класса и появления новых групп, а также обновления политического курса, причем свободные внутрипартийные дискуссии должны стать нормой жизни и способствовать процессам обновления.

Таким образом, встреча в Ливорно послужила толчком для оформления идеологии и стратегии еврокоммунизма как альтернативы ортодоксальной марксистско-ленинской идеологии и при отчетливом ее отторжении. Не случайно именно с этого момента (всего за две недели до встречи в Ливорно) появляется термин «еврокоммунизм», впервые введенный в оборот югославским журналистом Фране Барбьери в газете «Giornale Nuovo», издаваемой итальянским экспертом И. Монтанелли.

Уже на этом этапе можно констатировать, во-первых, стремление адептов еврокоммунизма к открытому дистанцированию от КПСС, СССР и стран «реального социализма» и очевидной эволюции еврокоммунизма в направлении европейской социал-демократии. Тем более символично в этой связи проведение встречи представителей еврокоммунизма именно в Ливорно, где за 54 года до того, в январе 1921 г., произошел раскол старой Итальянской социалистической партии и под руководством верного ленинца А. Бордиги была образована компартия Италии как ленинская партия нового типа. Во-вторых, в идеологии еврокоммунизма проглядывается либеральная традиция Европы и Италии, где либеральное государство оставило серьезный отпечаток в политике, этике, политической культуре.

Еврокоммунизм получил реальное развитие лишь в двух западноевропейских странах — Италии и Испании, в которой ИСП, благодаря этому, сумела быстро набрать политический вес и стать массовой партией уже к концу 1970-х гг., как только Испания вступила на путь демократических преобразований после преодоления франкистского режима. Поэтому, на наш взгляд, едва ли возможно усматривать проявления еврокоммунизма даже во Франции, поскольку руководству ФКП в целом не удалось осуществлять последовательный курс в этом направлении и его позиция в отношении политики СССР была очень осторожной, а зачастую и прагматичной, не говоря уже о компартиях Австрии или Великобритании⁷⁹.

Во второй половине 1970-х годов, в связи с нарушениями советским правительством Хельсинкских соглашений 1975 г. в области «третьей корзины» соблюдения базовых свобод и прав человека, позиция руководства итальянской компартии стала уже отчетливо негативной. Наконец, последней вехой в формировании еврокоммунизма стали вторжение СССР в Афганистан в декабре 1979 г. под предлогом оказания интернациональной помощи ее народу, а также события 1980—1981 гг. в Польше. Жесткое подавление оппозиции, вынужденный уход Первого секретаря ЦК ПОРП С. Кани, назначение на этот пост в октябре 1981 г. В. Ярузельского и наделение его чрезвычайными полномочиями в ноябре того же года, угроза советского вторжения и введение Ярузельским чрезвычайного положения в стране 13 декабря 1981 г., наконец, роспуск и запрет движения «Солидарность» с последующим арестом его руководителя Л. Валенсы, активистов К. Модзелевского, Я. Куроня, А. Михника — все эти события серьезно обострили ситуацию в Европе и мире. Эти внешнеполитические акции Советского Союза привели к осуждению руководством ИКП (и мировым сообществом) идеологии, внутри- и внешнеполитического курса Советского Союза как агрессивного и не имеющего дальнейших перспектив для развития.

После детального изложения Берлингуэром стратегии еврокоммунизма на январском, 1982 г., Пленуме ЦК позиция ИКП привела к фактическому разрыву

⁷⁹ Однако эта позиция широко распространена в отечественной историографии.

отношений итальянских коммунистов с руководством КПСС и СССР⁸⁰, что, в свою очередь, способствовало формированию негативного имиджа Советского государства в глазах не только коммунистов, но особенно католических масс Италии. Не стоит забывать, что с октября 1978 г. Понтификом стал поляк Кароль Войтыла — Папа Иоанн Павел II, осуждающий любые проявления диктата, и уж тем более в отношении народа своей страны. 22 октября новый Папа в первом же выступлении заявил своей пастве: «Не бойтесь! Вы же люди!», что было воспринято в том числе и как осуждение политики авторитарного диктата СССР.

Еврокоммунизм подразумевал, в первую очередь, полный отказ от модели социально-экономического, политического, государственного развития, а также от доктринальных положений идеологии, предложенных Советским Союзом и политическим руководством КПСС. Идеология ортодоксального марксизма-ленинизма стала, начиная с январского, 1982 г., Пленума ЦК ИКП, квалифицироваться руководством Итальянской компартии как вариант изначально манихейского восприятия миропорядка, манихейской философии и идеологии и манихейства в политическом действии⁸¹. Еврокоммунизм основан на отказе от ортодоксального коммунизма — идеологической базы «реального социализма», изначально, по мнению лидера ИКП, использовавшего «исключительно силу» для подавления оппозиции как внутри страны, так и в советском блоке. Между тем, в частности, «польские коммунисты могли, по убеждению все более широких масс коммунистов, преодолеть кризис 1981 г. без постороннего вмешательства, только на пути независимости и посредством демократических реформ, а не через подавление движения силой извне и репрессиями»⁸². На следующий день после выступления Берлингуэра (13 января 1982 г.) Пленум ИКП решительно осудил сохранение чрезвычайного положения в Польше, квалифицируя его как государственный переворот⁸³.

Идеология ортодоксального коммунизма, навязываемая руководством КПСС зарубежным коммунистическим и рабочим партиям и сохраняемая силой в странах советского блока, продемонстрировала, по его мнению, «очевидную несостоятельность» и должна уступить место экономическому, идеологическому и социальному плюрализму⁸⁴. Порожденная ею модель реального социализма в советском варианте представляет собой исторический тупик, поскольку обновление ее невозможно, политика реформ блокируется, а «сам путь Октября и его побудительный импульс, предложенный СССР, полностью исчерпал себя»⁸⁵. Лидер ИКП, а вслед за ним и другие адепты еврокоммунизма полагали глубоко ошибочными и абсолютно неподходящими итальянским (и западноевропейским) коммунистам советскую модель социализма и сам опыт продвижения к социализму на всех этапах существования советского государства⁸⁶.

Иначе говоря, стратегия еврокоммунизма предполагала полный отказ от модели социально-экономического, политического, государственного развития, предложенного Советским Союзом и КПСС, и от опыта построения социализма, осуществляемого Советским Союзом на всех этапах существования. Был предложен

---

⁸⁰ Материалы январского 1982 г., Пленума ЦК ИКП были переведены на русский язык сотрудниками-итальянцами (с участием автора статьи) отдела международного комдвижения Института международного рабочего движения АН СССР. Материалы предназначались для служебного пользования международного отдела ЦК КПСС. В советской открытой прессе всякое упоминание о докладе Берлингуэра, как и употребление термина «еврокоммунизм», находились под запретом.

⁸¹ *Berlinguer E.* La Relazione di Berlinguer al Comitato Centrale di gennaio 1982: Ruolo e iniziative del PCI per una nuova fase della lotta per il socialismo in Italia e in Europa. — *L'Unita'*, 12.I.1982.

⁸² *Ibidem.*

⁸³ *Cronologia 1982.* — <https://sites.google.com/site/sentileranechecantano/cronologia/1982>

⁸⁴ *Nilsson K.R.* The EUR Accords & the Historic Compromise. Italian Labor & Eurocommunism. — *Polity*, v. 14, № 1.

⁸⁵ *Berlinguer E.* La Relazione di Berlinguer al Comitato Centrale di gennaio 1982...

⁸⁶ *Ibidem.*

иной путь продвижения к социализму, также понимаемому иначе — через отказ от руководящей роли партии в государстве и обществе, от диктатуры пролетариата, классовой борьбы и революционных преобразований общественного строя, а также от обязательной опоры преимущественно на кадровый промышленный пролетариат. На новом этапе модернизации ИКП должна была искать опору в первую очередь в среде образованных интеллектуалов, но также менеджеров, техников, ИТР и других представителей среднего класса.

Изложенное позволяет заключить, что этот путь уже ни чем не отличался от пути, осуществляемого европейской социал-демократией и Социалистическим Интернационалом, напротив — совершенно совмещался с ним, порождая таким образом новую левую альтернативу Европы. Еврокоммунизм как идеологию, а также как стратегию и практику следует квалифицировать как вариант социал-демократической стратегии и политического действия, но не как коммунизм, по крайней мере, в том ортодоксальном значении, в каком коммунистов воспринимали в первой половине XX в.

Таким образом, начиная с январского, 1982 г., Пленума ЦК руководство ИКП предельно четко обозначило начало нового этапа своей стратегии и тактики. Этот путь уже кардинально отличался от пути, намеченного в теории П. Тольятти, который, при всем критическом восприятии системы «реального социализма», все же до конца жизни не допускал возможности отказа от курса на ее реформирование и обновление системы.

Анализ идей еврокоммунизма показывает также, что либеральный акцент этого идейно-политического кредо совмещается с либеральными традициями, пустившими глубокие корни в европейском пространстве и повлиявшими на вектор политической культуры Западной Европы вообще и Италии, в частности. Ведь коллективная западноевропейская идентичность, частью которой является итальянское культурное ядро, оказывает решающее влияние на либеральные демократии Европы в их современной интерпретации. Идеология еврокоммунизма основана на уважении базовых прав личности и недопустимости их ущемления — права на достойную жизнь, свободу, независимость личности от государства, на внутреннее личное пространство, собственность. Все эти права нашли отражение в Уставе ООН — главном документе международного права, — а также в основополагающих документах Совета Европы, ЕЭС, затем ЕС.